

Алексей Свирский

Рыжик

ПРОСТО ХОРОШИЕ КНИГИ

ПРОСТО ХОРОШИЕ КНИГИ

Алексей Свирский

Рыжик

Часть первая

I

Откуда взялся Рыжик и кто его приютил

ПТИЦЫ ЕЩЕ СПАЛИ, когда Акси́нья вышла открывать ставни. Молодая женщина тихо скрипнула в сенях дверью и перешагнула порог.

Солнце еще не взошло, но рассвет уже был близок. На востоке небосклон окрашивался в золотисто-сиреневый цвет. Звезды быстро гасли одна за другой. Береговая улица, или, как ее иначе называли, Голодаевка, спала крепким сном. Улица эта была застроена с одной только стороны, другая же сторона представляла собой высокий крутой обрыв, спускавшийся к реке.

Акси́нья, прежде чем открыть ставни, перешла босыми ногами пыльную немощеную улицу и остановилась на краю речного обрыва. Над рекой медленно расплывались серые клочья тумана. Маленькие, хилые домишки тесной ломаной шеренгой толпились на краю обрыва.

Хозяева этих хижин хотя и называли себя домовладельцами, но были бедняками родовитыми: бедность, нужда и всякие невзгоды переходили к ним из рода в род, как переходят к богатым громкие титулы или миллионные наследства. На Голодаевке никто не мог похвастать ни богатым дедушкой, ни промотанным имением.

Бедность жила здесь с незапамятных времен, так что голодаевцы давно уже привыкли к своей нужде, как негры привыкли к тропическому зною или как эскимосы — к жестоким морозам.

Не богаче других была и Аксинья, жена Тараса Зазули. Муж ее хотя и был по ремеслу столяр и гробовщик, но денег у него никогда почти не было. Единственно, когда Зазули считали себя богачами, — это только во время Проводской или Успенской ярмарок, когда Тарас продавал партиями столы и табуреты, заранее заготавливаемые им в своей мастерской.

В последние дни Тарас был занят именно этим делом. До ярмарки оставалось немного, и он очень спешил.

Просыпался Зазуля раньше обыкновенного и работал до глубокой ночи. Вот почему жена его в тот день, когда начинается наш рассказ, так рано вышла открывать ставни.

Зазулиха (так за глаза называли соседки Аксинью) постояла с минуту на берегу, бросила сонный взгляд на небо, громко зевнула, перекрестила рот и направилась к своей хате.

Она стала открывать ставни. Всех окон в доме Зазулей было три. Молодая женщина открыла ставни, прикрепила их веревочками к стене, чтобы ветер ими не хлопал, и направилась было в хату, как вдруг услышала чьи-то тихие, жалобные стоны. Смуглое, загорелое лицо Аксиньи вытянулось от удивления и любопытства.

— Ой, ой, ой!.. — стонал кто-то за домом.

Аксинье показалось, что стонет женщина. Несколько секунд прислушивалась она к странным звукам, пугливо озираясь по сторонам. Но вокруг не было ни одной живой души. Наконец Аксинья победила страх,

и когда стоны особенно усилились, она подобрала ситцевую юбку и бросилась бежать, перепрыгивая через бурьян и крапиву, росшие около дома, в ту сторону, откуда слышались стоны. Акси́нья скрылась. Наступила тишина. Спустя немного Зазулиха с искаженным от страха лицом выбежала из-за угла дома и бросилась прямо в хату.

Тарас стоял перед верстаком и налаживал доски. Его громадная наклоненная фигура занимала чуть ли не половину комнаты. Одет он был в широкие шаровары и серую рубаху, а на босых ногах — мягкие самодельные шлепанцы.

— Тарас, выйди скорей на улицу! — крикнула запыхавшаяся Акси́нья, вбежав в мастерскую.

Лицо у нее было бледное, испуганное. Она вся дрожала.

— А что я там забыл, на улице?.. — проговорил равнодушным тоном Тарас, не отрываясь от дела.

— Иди скорей, иди же, говорю тебе... Посмотри, что случилось! — воскликнула Акси́нья.

— А что случилось? Курица удавилась?.. — засмеялся Зазуля.

— У, каменный ты человек!.. — озлилась жена. — Выйдешь ли ты из хаты, аль нет?

— Как не выйти... От бабьего крика не только что из хаты, а из кабака и то выйдешь, — сказал Тарас и, низко наклонив голову, чтобы не стукнуться о косяк, вышел из мастерской.

Акси́нья забежала вперед.

— Вот здесь, за сарайчиком... Слышишь, стонет? Сюда иди!.. Слышишь?.. — задыхаясь от волнения, шептала Акси́нья.

Тарас молча следовал за нею, пыхтя трубкой, которую он успел закурить по дороге.

— Вот здесь, смотри!.. Слышишь? — шепнула Акси́нья.

Тарас остано́вился. Перед ним на траве лежала женщина, а рядом с нею мирно спал завернутый в тряпки крошечный ребенок. Из полуоткрытого рта женщины вылетали слабые, хриплые стоны. Голова ее, повязанная темным дырявым платком, лежала на серой котомке. Бледная, с почерневшими губами, она имела вид умирающей. Глаза ее, неподвижные и как будто стеклянные, были устремлены в одну точку. Одежда ее состояла из грязных бесформенных лохмотьев.

Тарас с Акси́ньей молча, но значительно переглянулись, когда подошли к умирающей.

— Спроси-ка, кто она и как сюда попала, — тихо сказал Тарас жене.

— Послушай, милая, откуда ты? — приступила к допросу Акси́нья, наклонившись над больной. — Ты больна? Это твой ребенок?.. Как ты сюда попала?..

Акси́нья задавала вопрос за вопросом, но ответа не последовало. Незнакомка умирала — это было ясно.

— Я людей позову, — решительно заявила Зазу́лиха, взглянув на мужа.

— И то правда... Разбуди соседей, а то еще невесть что подумают, — согласился Тарас.

Акси́нья убежала. Вскоре ее звонкий голос нарушил тишину наступающего утра.

— Выходите!.. — кричала Акси́нья, стуча в ставни соседних домов.

Минут через десять небольшой дворик Зазу́лей был полон народа.

Солнце еще не успело взойти, когда неизвестная женщина умерла. В ту самую минуту, когда она испустила последний вздох, проснулся ее ребенок. Он заметался

и заплакал. Прибежавшие бабы, у которых были свои дети, услышав голос плачущего ребенка, сейчас же определили, что ему всего три месяца от роду.

Аксинья, отвечая на вопросы, рассказывала, как она встала, как вышла открывать ставни и как услышала стоны.

— Она, стало быть, живая была? — перебивали ее слушатели.

— Конечно, живая, ежели стонала! Мертвые не стонут, — пояснила Зазулиха и продолжала свой рассказ.

А ребенок не переставал кричать, надрывая грудь.

— Его накормить надо, — догадалась одна из женщин и взяла его на руки.

Женщину эту звали Агафья-портниха. Муж ее был портной, человек слабый и пьющий. У Агафьи было пятеро ребят, из них один грудной.

Ребенок, как только очутился на руках у Агафьи, сейчас же замолк и припал к ее груди, точно замер.

— Ишь, как сосет! — удивлялся Тарас, у которого своих детей не было.

— Дитя есть хочет, известное дело... У покойницы, может, и молока-то не было, — хором заговорили женщины, перебивая друг друга.

— Эй, вы, тише, начальство едет! — крикнул кто-то.

Бабы умолкли.

Вдали показался голодаевский городской, Прохор Гриб, как его прозвали обыватели Береговой улицы. Это был старый отставной солдат, с мягким, точно вымоченным и выжатым лицом. На его сухом отвислом подбородке серебрилась белая щетина давно не бритой бороды. Прохор нюхал табак, и от этого его седые жидкие усы возле носа были покрыты темно-коричневыми пятнами.

Сколько ему было лет, он сам не знал. Иногда он говорил, что ему восемьдесят, а иногда утверждал, что ему давно уже стукнуло сто. Городовым он был поставлен с незапамятных времен. Голодаевцы привыкли к Грибу, видя его перед собой всю жизнь, и смотрели на него так, как люди обыкновенно смотрят на речку, что вечно течет по одному и тому же направлению, или на дерево, пережившее несколько человеческих поколений.

— Что здесь такое? — жуя губами, спросил Гриб, подойдя ближе.

— Нищая померла, — ответил Тарас и снова раскурил трубку.

— Человек помер, а тебе курить надо! — упрекнул старик Зазулю и укоризненно покачал головой.

Потом он достал табакерку, воткнул в ноздри две щепотки табаку и громко чихнул.

— Будь здоров, дедушка!..

— Проживи еще двести лет!..

— Раста большой!.. — приветствовали Гриба мальчишки, прибежавшие, как и взрослые, на крик Аксины.

— Пошли вон отсюда!.. Я вам!.. — закричал на детей старик и пригрозил им своей шашкой, имевшей такой же древний вид, как и он сам.

— Ой, дедушка, не пужай: со мной родимчик будет! — воскликнул один из мальчишек.

Другие покатались со смеху.

— Эй, вы, чего ржете?.. Проваливайте, пока целы! — крикнул на них Тарас и топнул ногой.

Ребята мгновенно притихли.

Прохор Гриб подошел к трупам женщины и обнажил свою желтую безволосую голову. Издали голова его была похожа на большой бильярдный шар.

В толпе по поводу случившегося стали высказывать всевозможные догадки и предположения. Одни говорили, что покойница — крестьянка и что она умерла с голоду; другие полагали, что она отстала от партии рабочих, что вчера проходила через город; а Арина Брехуха, жена Сидора-печника, толстая плосколицая женщина, известная сплетница, настойчиво утверждала, что покойницу задушили грабители.

— Полно врать, Ариша! — пробовал остановить ее муж, присутствовавший тут же. — От твоей лжи вон, гляди, даже галка на заборе и та покраснела...

— Не галка, а нос твой от водки покраснел, пьяница несчастный! — закричала на мужа жена.

— Да ну вас!.. Что вы, на базаре, что ли — орете-то? — остановил супругов Тарас, а затем, обращаясь к Прохору, проговорил: — Послушай, дедушка, убери ты, пожалуйста, покойницу... Мне некогда: у меня работа спешная.

— Ишь ты, чего захотел! — зашамкал голодаевский городской. — Я, брат, не главное начальство... Тут, хлопче (Прохор всех, и молодых и старых, называл хлопцами), надо, чтобы все по закону вышло... Перво-наперво надо квартального, Андрея Андреича, попросить, а он попросит пристава, а пристав попросит доктора, а доктор — следователя, а следователь — прокурора, а прокурор...

— А прокурор, — сердито перебил старика Тарас, — попросит тебя, старого гриба, а ты нос табаком набьешь и чихнешь — покойница, гляди, и воскреснет...

Тарас безнадежно махнул рукой и сам отправился за квартальным. А Прохор Гриб снова зашамкал беззубым ртом, объясняя кому-то закон; но его никто не слушал.

Ребенок только что умершей женщины перешел к Аксинье. Агафья, накормив его, отдала малютку Зазулихе, а сама отправилась домой, к своим детям.

— Вот у тебя нет ребят, возьми этого младенца к себе, — сказала Агафья, когда передавала Аксинье ребенка, — доброе дело сделаешь...

— Что вы, что вы! Где нам чужих кормить? Нам бы самим как-нибудь прожить... — возразила Аксинья, испугавшись слов Агафьи.

В это время ребенок благодаря неумелости молодой женщины высвободился из тряпок, в которые он был завернут, и заиграл крошечными ножками. Аксинья, боясь, чтобы он не выпал из рук, крепко прижала его к груди. Ребенок улыбнулся ей, обнажив беззубые десны. Это был красивый трехмесячный мальчик. Тельце у него было круглое, розоватое. Крошечные ножки и ручки находились в непрерывном движении, большие карие глаза глядели открыто и весело.

— Какой славный мальчуган! — воскликнула одна из женщин. — И не похоже, чтобы мать его больна была... Вишь, какой он плотный да круглый!

— А волосенки-то как быстро у него выросли! — удивилась другая.

— Он рыжий будет, уж теперь и то головка у него будто из красной меди...

— Не прожить ему долго на свете...

— Уж какая жизнь круглой сироты!..

— Чего вы каркаете? Тьфу на вас! — крикнула на болтавших баб Аксинья и отвернулась от них.

Ребенок почему-то сразу стал ей дорог и мил. Полюбила она его в ту самую минуту, когда, трепетно прижавшись к ее груди, он впервые улыбнулся ей беззубым

ротиком, устремив на нее большие карие глаза. Этот доверчивый взгляд наивных детских глаз пробудил в молодой женщине неведомое ей до этого чувство материнской любви и нежности.

«А и впрямь, не взять ли его к себе? — мысленно рассуждала сама с собою Аксинья, глазами лаская ребенка. — Попрошу Тараса: он добрый — позволит. Дитя нас не объест, а вырастет — помощником будет...» Так думала Зазулиха, любуясь крошечным мальчиком.

А Тарас в это время возвращался в сопровождении Андрея Андреича, квартального надзирателя. Они шли вдоль речного обрыва. Андрей Андреич, полный мужчина, с большим круглым животом, был одет в белый китель. Несмотря на то что солнце еще не поднялось из-за рощи, зеленевшей на той стороне реки, Андрей Андреич пыхтел, отдувался и, снимая фуражку, вытирал носовым платком влажный от пота лоб.

— И жарко же сегодня будет! — пробасил квартальный.

— Н-да... Сегодня не холодно... — желая поддержать разговор, сказал Тарас.

— Постой-ка, — вдруг остановил Зазулю квартальный, — посмотрим, кто там рыбу удит. Не Яков ли это Иваныч, наш доктор?

Тарас подошел к самому краю обрыва и посмотрел вниз. Там, недалеко от берега, стоял по икры в воде и удил рыбу какой-то человек высокого роста. Шляпа, сапоги и носки удильщика лежали на берегу, на широком плоском камне.

— Доктор и есть! — подтвердил Тарас, хорошенько взглядевшись в спину рыболова.

— Вот и отлично... Он-то нам и нужен, — сказал квартальный и также подошел к краю обрыва.

— Яков Иваныч! — крикнул он, слегка нагибаясь.

Голос квартального глухими раскатами пронесся над сонной поверхностью реки. Удивший рыбу даже не шелхнулся, точно не его и звали. Резким желтым пятном вырисовывалась его длинная, худая фигура на светлом фоне спокойной реки. Он одновременно удил двумя удочками, и обе руки были у него заняты.

В тот самый момент, когда Андрей Андреич крикнул, Яков Иваныч заметил, что у него клюет, и весь насторожился.

— Яков Иваныч, пожалуйста к нам! — вторично окликнул врача квартальный.

Но ответа не последовало. У доктора оба поплавка запрыгали на воде, и он весь ушел в свое дело. Окрики квартального выводили его из себя, но он молчал: он боялся испугать рыбу.

— Яков Иваныч, мертвое тело усмотрено, пожалуйста те! — не унимался Андрей Андреич.

У доктора от злости зеленые круги завертелись перед глазами. «Разгонит, разгонит рыбу мою, негодный толстяк!» — с тревогой в душе подумал Яков Иваныч и хотел было квартальному махнуть рукой, но вспомнил, что руки у него заняты, и решил сделать это иначе. Когда Андрей Андреич в третий раз позвал его, он осторожно поднял из воды одну ногу и задрыгал ею, желая этим жестом дать понять квартальному, чтобы тот убирался. В то самое время, когда доктор жестикулировал ногой, клевавшие рыбы, съев приманку, преспокойно ушли.

— Скажите, пожалуйста, господин квартальный, вы клятву дали меня преследовать? — дрожа от негодования, воскликнул Яков Иваныч и обернулся лицом к берегу.

— Я по делу... честное слово, по делу!.. Мертвое тело вот у него во дворе усмотрено... — оправдывался Андрей Андреич, указывая на Зазулю.

— Истинная правда — усмотрено! — подтвердил Тарас.

Доктор тяжело вздохнул и стал вытаскивать удочки.

Спустя немного он сидел на камне и, все еще волнуясь, надевал сапоги.

— «Усмотрено»... — ворчал доктор, натягивая на ногу сапог. — А вот у меня окунь был усмотрен, а вы его испугали своим мертвым телом... Нарочно встал до рассвета, чтобы никто не мешал, а тут на, принесла вас нелегкая...

Через минуту доктор оделся, свернул удочки и поднялся вверх. В это время показался пристав, бравый, рослый мужчина, со шпорами и лихо закрученными усами.

О случившемся приставу дал знать квартальный раньше, чем отправиться с Зазулей.

— А вы уже здесь, доктор?.. Здравствуйте, здравствуйте! — приветствовал врача пристав.

— Да, я уже здесь, а вот окунь далече...

— Какой такой окунь?! — удивился пристав.

— Яков Иваныч рыбу удил... — пояснил квартальный.

— Ах, вот оно что! — усмехнулся пристав. — Неужто, Яков Иваныч, вы не можете отказаться от своей страсти? Помните, в прошлом году, когда вы бултыхнулись в воду в одежде, а вас из реки вытащила моя прачка...

— Что вы этим хотите сказать? — с досадой перебил пристава Яков Иваныч.

— А то, что вы тогда слово дали...

— Эти воспоминания никого не интересуют, — пробурчал Яков Иваныч.

Пристав улыбнулся, расправил усы и умолк. Так они все молча и дошли до места происшествия.

Толпа, завидя начальство, расступилась и притихла. Пристав, доктор и квартальный подошли к труп женщины. Их встретил Прохор. Старик, не спуская тусклых глаз с пристава, все время отдавал ему честь, держа руку под козырек. При этом он старался как можно больше выпрямить свою сутуловатую, дряхлую фигуру.

— Кто она такая? — спросил пристав, вглядываясь в пожелтевшее лицо покойницы.

— Не могу знать, ваше благородие! — ответил по-военному Прохор.

— Она не здешняя?

— Никак нет, ваше благородие! — отчеканил Гриб.

Толпа с большим интересом следила за всем происходившим. «Вишь, как ловко начальству лепортует... Ай да Гриб!..» — перешептывались голодаевцы, наблюдая за городовым. А ребяташки — те положительно пожирали глазами всю сцену: они все замечали, все улавливали. От их зорких глаз ничто не укрылось: ни шпоры пристава, ни его молодецкие усы, ни заплаты на ветхом мундире Прохора, ни тучная, слонообразная фигура квартального, ни козлиная борода доктора.

Началось следствие, которое, к слову сказать, ни к чему не привело. Никто не знал покойницы, и никто не мог удостоверить, откуда она, кто она и отчего умерла. Впрочем, доктор нашел было, что она умерла от разрыва сердца, но тут же добавил, что не ручается за это определение и что покойницу необходимо будет анатомировать.

Когда протокол был составлен, вспомнили про ребенка. Аксинья все еще держала его на руках. Она успела уже

переговорить о нем с Тарасом и разговором осталась недовольна: муж наотрез отказался взять мальчика к себе.

— Вот это мальчик покойницы? — спросил пристав у Аксиньи.

— Он самый.

— Гм... Как же теперь быть с ним?.. Его надо будет в полицию... А скажи, — возвысил голос пристав, обращаясь к Аксинье, — он грудной?

— Грудной.

— Гм... вот беда! Куда мы его денем?..

— Я хотела его к нам в дом, — вдруг робко проговорила Аксинья. — Хотела, стало быть, чтоб он завсегда у нас жил...

— Ну и прекрасно! — обрадовался пристав. — Возьмите его... И вам и нам приятно будет...

— Ах, — осмелев, перебила его Аксинья, — знаю, что приятно будет, да вот муж у меня...

— А что муж... не хочет?.. У вас дети есть?

— И запаху детского нет.

— Вот как! А где муж? Вот этот самый, здоровый-то?

Тарас сделал шаг вперед и остановился, смущенный.

— Почему ты не хочешь приютить сироту? — спросил его пристав.

Тарас молчал.

— Ведь он тебя не объест, а нас от хлопот избавишь... Возьми, а?

Тарас энергично почесал затылок, пристально посмотрел на свои ноги, тряхнул головой и промолвил:

— Нехай!

Только всего и сказал он. Но от этого слова красивое смуглое лицо Аксиньи озарилось счастливой улыбкой, а в ее черных глазах засветилась радость.

Пристав, звякнув шпорами, двинулся вон со двора. За ним последовал доктор и квартальный, велевшие городовому остаться караулить труп.

Выйдя на улицу, пристав отдал квартальному приказание немедленно прислать подводу и отправить мертвое тело в приемный покой, а сам зашагал с доктором вдоль обрыва.

II

Приемные родители

ХАТА ТАРАСА битком набилась женщинами, пришедшими давать Аксинье советы, как обращаться с младенцем, как и чем его кормить и как его укачивать. Одна из них обратила внимание на то, что у ребенка на шее не было крестика.

— Ай, родимые, да у него имени нет! — воскликнула она.

— А и вправду нет! — обеспокоилась Аксинья. — Тарас, а Тарас! — окликнула она мужа, который уже успел снова приняться за работу.

— Что еще там? — послышался из мастерской голос столяра.

— Подь сюда, дело есть.

— Ах, чтоб вас!.. — проворчал Тарас и заглянул в другую половину хаты, где находилась Аксинья, окруженная соседками.

— У младенчика имени нет... — сказала Аксинья, подняв глаза на мужа.

— Нет, так и нет! А я-то тут при чем?

— А ежели он не крещен?

— А не крещен, так не крещен. Я его крестить не могу: я не поп.

Равнодушный тон Тараса огорчил и разозлил Аксинью.

— Ты, Тарас, никак ополоумел... С этим шутить не смей!.. Ребенок должен имя иметь... А то ты не знаешь, как его зовут, а на прокормление взял...

— Не я взял, а пристав дал, — перебил Тарас жену. — А касательно крещения вот тебе что скажу: крестить сейчас не будем, а окрестим после Успенской, потому теперь денег нет.

— А как же мы его звать-то будем?

— Рыжиком пока что зови его.

— Слыхали вы, люди добрые? — развела руками Аксинья, обращаясь к соседкам. — Рыжиком велит младенца звать.

— Такого имени и в святцах нет, — заискивающим голосом, улыбаясь во весь рот, заметила Ариша Брехуха.

Ариша два месяца была в ссоре с Аксиньей и не ходила к Зазулям. Сегодня же она воспользовалась удобным случаем и проскользнула вместе с другими в хату Тараса.

— Уж я там не знаю, есть ли али нет такое звание в святцах, а знаю я, что мне некогда бабьи разговоры разговаривать, а потому просим вас, гости дорогие, навесить нас после ярмарки, — сказал Тарас и, низко поклонившись, ушел в другую комнату, где стоял его верстак.

Соседки поняли намек Тараса и одна за другой стали убираться подобру-поздорову.

— Самим жрать нечего, а туда же, в благодетели лезут: сирот на прокормление берут! — злобно проворчала Ариша, выйдя на улицу.

Зазули были действительно бедные люди. Случалось, что у них не было куска хлеба в доме. В такие дни Тарас старался как можно меньше бывать дома и уходил в кабак заливать горе. Аксинья выходила из себя и устраивала мужу бурные сцены. Но не всегда Зазули ссорились.

Бывали дни, когда они жили дружно. Случалось это тогда, когда Тарас, получив за работу деньги, приносил их домой и отдавал жене. В такие дни Аксинья буквально перерождалась. Из сварливой, а подчас даже несносной бабы она превращалась в нежную и любящую жену.

Нередко Тарас, возвращаясь домой с деньгами и будучи совершенно трезвым, притворялся пьяным, чтобы подшутить над женой и доказать ей, как часто она его ругает незаслуженно. Вот как это он делал: надвинув на лоб шапку и сделав пьяные глаза, он медведем вваливался в хату и кричал: «Оксана!.. Я пьян!..»

А для пущей убедительности Тарас срывал с головы шапку и бросал ее на пол. Немедленно появлялась Аксинья. С одного взгляда жена догадывалась, что муж притворяется, но не показывала вида и, в свою очередь, принималась осыпать Тараса всяческими ругательствами.

Зазуля, спокойно выслушивая эту незаслуженную брань, от души радовался, что так удачно обманул глупую бабу. А когда Аксинья, окончательно войдя в свою роль, хватала кочергу, он поспешно вставал с места, вынимал из кармана деньги и сквозь раскатистый смех говорил жене:

— На гроши да не лайся!

Аксинья принимала деньги и с притворным удивлением разводила руками.

— Разве ты не пьян? — спрашивала она, широко раскрыв большие черные глаза.

Этот вопрос всегда вызывал со стороны Тараса неудержимый громовой хохот.

Таких сцен между супругами давно уже не происходило, потому что дела Тараса шли неважно. В последнее время Зазули жили в долг. За один только лес, из которого

Тарас приготавливал столы и табуреты, он должен был около десяти рублей. На Голодаевке это значило: «быть в долгу, как в шелку». Единственно, что еще поддерживало супругов, — это надежда на ярмарку. Аксинья видела, как Тарас старается, как он работает, и не трогала его. Супруги жили надеждой и не падали духом.

Надежда эта не обманула их: ровно через месяц после описанного в первой главе события Тарас благополучно распродал на ярмарке свой товар, уплатил долги и явился домой не только с деньгами, но еще и трезвым.

— Ну, Оксана, кричи караул: все продал и полный карман денег принес, — весело сказал жене Тарас, вернувшись с ярмарки. — Теперь Рыжика окрестить можно.

Аксинья от радости не знала даже, что сказать. Наконец-то ее мечта сбылась, и ребенок останется у нее.

— Совсем расторговался? — спросила Аксинья.

— То есть, вот как расторговался!.. Стали купцы просить, чтобы я им шапку продал, люльку... А за кисет один сто рублей давал, на коленях стоял, а я ему: «Нет, купец-молодец, кисет непродажный, потому его моя законная жена сама делала».

— Полно врать! — остановила Тараса Аксинья, видя, что тот шутит. — А ты лучше о крестинах подумай!

— И думать не о чем: пойду позову кума Ивана да куму Агафью, а вечером напьемся и будем песни играть, а Рыжика назовем Николкой...

— А зачем Николкой?

— А то как же?

— Александром надо.

— Ну ладно... Нехай Александр, — согласился Тарас и за все время в первый раз погладил головку приемыша.

Аксинья с благодарностью взглянула на мужа.

— Наш мальчик? — тихо спросил Тарас и улыбнулся.

— Наш! — живо отвечала Акси́нья и тут же добавила: — Наш навсегда, и будет он у меня как родной...

Она наклонилась над корытом и тихо поцеловала ребенка.

III

Через шесть лет

ПРОШЛО ШЕСТЬ ЛЕТ. За это время много перемен произошло на Голодаевке. Умер Прохор Гриб, овдовела Ариша Брехуха, выстроил первый двухэтажный каменный дом лавочник Аким Сергеенко, у Зазулей родились и росли две девочки, Катя да Вера, а приемыш превратился в здорового и коренастого мальчугана, которого уже знает не только Голодаевка, но и весь город, начиная с богача Сергеенки, у которого он недавно камнем разбил оконное стекло в лавке, и кончая последней бродячей собакой.

Санька-Рыжик, как его теперь называют, бегаёт по городу босиком. Головного убора он совсем не признаёт, и его рыжие, золотистые кудри свободно развеваются, когда он скачет по улице. Друзей-приятелей у Саньки хоть отбавляй. Мальчишки в нём души не чают: он их атаман, их предводитель. Зато взрослые его терпеть не могут и называют его «карой небесной». Рыжик, несмотря на свои шесть лет, успел уже всем порядочно насолить. Маленький, увертливый и ловкий, как обезьяна, он совершает с дружиной своей опустошительные набеги на сады и баштаны, уничтожая все, что попадает ему на пути. Поймать Саньку нелегко: он бегаёт, как олень, и хитер, как лисица. Если же случайно и удастся какому-нибудь садовладельцу поймать его и высечь

крапивой, то от этого ему мало пользы: на другой день он недосчитается множества плодов.

Что бы в городе ни случилось, Санька тут как тут. Первым он является на пожар, на свадьбу, на похороны. Ни одна драка, ни один скандал не обходятся без того, чтобы Рыжик не присутствовал.

Зимою благодаря отсутствию сапог Санька редко показывался на улице, но зато летом он всем давал понять, что у столяра Тараса имеется приемыш, Санька-Рыжик. Если по улице проходил плачущий ребенок с разбитым носом, все уже заранее знали, что разбитый нос — дело Санькиных рук. Цыгане, проходившие с учеными обезьянами, также хорошо знали Рыжика. Да оно и вполне понятно: разве мог этот сорванец пропустить обезьяну без того, чтобы не надеть на нее шапку или не довести ее до бешенства своими поддразниваниями? Короче говоря, Санька-Рыжик на седьмом году своей жизни был известнейшим человеком на Голодаевке. Известность эту он приобрел нелегко: не один раз ему приходилось покорно ложиться под аршин приемного отца, не один раз он с обрыва скатывался в речку и подвергал свою жизнь опасности, когда прыгал по крышам домов и колоколен, гоняясь за птицами.

Нельзя сказать, чтобы только что описанные способности Саньки особенно радовали Тараса. Почти ежедневно, выслушивая жалобы на проказы сына, Зазуля не жалел ни рук, ни аршина, но от этого мало было пользы.

Рыжик по-прежнему опустошал сады и огороды и по-прежнему разбивал сверстникам носы.

— Не миновать тебе виселицы! — не раз говаривал Тарас, наказывая приемыша. — И откуда ты, каторжник, взялся на мою голову! — спрашивал он, нанося приемному сыну удар за ударом.

Но тут обыкновенно в дело вмешивалась Аксинья, и у Тараса опускались руки.

Аксинья была совсем противоположного мнения о своем любимце. Безграмотная и забитая нуждой, она возлагала почему-то большие надежды на мальчика, которого продолжала горячо любить, несмотря на то что у нее появились собственные дети.

Когда Тарас в озлоблении кричал, что приемыш его не минует Сибири, Аксинья заступалась за честь сына и говорила:

— Неправда, мой Сашенька генералом будет.

— Когда на каторге поживет, — вставлял Тарас.

— Врешь, он лучше тебя будет...

— Нехай!.. — насмешливо и презрительно отмахивался Тарас и этим несказанно злил жену.

Одно время — это было весной — Рыжик совсем было притих. Ему тогда было шесть лет. Редко выходил он на улицу, редко дома сидел, а больше всего находился в старом, полуразвалившемся сарае, за стеной которого некогда умерла его мать. Что он там делал — никто не знал. Впрочем, никто этим и не интересовался. Даже мальчишки и те, поскучав несколько дней без Рыжика, постепенно стали его забывать.

— Вот ты все бранил Сашеньку, — сказала однажды Аксинья мужу, — а посмотри, какой он тихий да послушный стал. Цельный день сиротка играет в сарае одинешенек.

— Погоди хвастать, — заметил Тарас, — еще надо взглянуть, что он такое в сарае делает.

В тот же день Тарасу зачем-то понадобилось в сарай, и он туда отправился, забыв совершенно о приемыше. Только он хотел переступить через перекладину,

лежавшую у входа в сарай, как на него из темного дальнего угла сарая кто-то грозно и сердито заворчал. Тарас сейчас же догадался, что в сарае находится собака — судя по ворчанию, не маленькая. Зазуля стал вглядываться в угол, откуда раздавалось ворчанье, и увидел огромного черного пса с лохматой шерстью и толстым пушистым хвостом. Собака лежала на стружках. Большая черная голова ее с круглыми коричневыми глазами покоилась на толстых передних лапах. Задние лапы были обмотаны какими-то грязными сырыми тряпками. Когда Тарас вошел в сарай, из-за спины собаки медленно поднялась рыжая голова Саньки. Увидав Тараса, Рыжик обнял собаку, судорожно прижался к ней и, не спуская больших испуганных глаз с отца, проговорил со слезами в голосе:

— Это мой пес... Я не дам его... Это мой пес...

— Я тебе, сорванцу, покажу «Мойпес», — полушутя, полусерьезно сказал Тарас и сделал несколько шагов вперед.

Но не успел он дойти до Рыжика, как пес поднял морду, ошетинился, обнажил зубы и так зарычал, что Зазуля невольно отступил назад.

— Ах ты, негодная тварь! — закричал уже не на шутку рассердившийся Тарас. — погоди же, я тебе покажу, как рычать! А ты, — обратился он к приемышу, — вон отсюда!

— Не пойду, — заплакал мальчик, — это мой пес... Его нельзя обижать... Он больной...

Тарас посмотрел на приемыша, бросил взгляд на крепкие зубы все еще ворчавшей собаки и решил оставить их на время в покое. Вернее всего, столяр струсил, потому что у собаки был вид довольно внушительный и воинственный.

— Говорил я тебе! — сказал Зазуля, войдя в хату.

— Что говорил? — откликнулась Аксинья, подняв на него глаза.

— А то, что твой сынок на каторге будет: оно по-моему и выйдет.

— Да говори толком, что еще там такое вышло?

— Пойди в сарай да посмотри!.. Увидишь, с каким он дядькой дружбу водит...

Аксинья вышла из хаты.

Через несколько минут она вернулась радостная, улыбающаяся. Оказалось, что Рыжик нашел собаку на Черной балке, куда сваливали мусор. Собака лежала на мусоре, зализывала задние лапы и жалобно визжала, точно просила о помощи. Рыжик подошел к больному псу и увидел у него на лапах кровь. Мальчику сделалось жаль собаки, и он ее стал гладить.

— Мой бедный песик! — приговаривал Рыжик, проводя рукой по черной лохматой шерсти раненого животного.

А когда он стал уходить, больная собака ползком последовала за ним. Вот тут-то у мальчика и зародилась мысль вылечить пса и сделать его своим.

— Видала? — злорадно спросил Аксинью Тарас, когда она вошла в хату.

— Видала. Ну так что ж?

— А Мойпес как тебя встретил?

— Какой Мойпес? — не поняла Аксинья.

— Да тот самый, что с нашим сынком обнявшись лежит. Сынок-то его называет «Мойпес»...

— Он и мне кричал: «Это мой пес... Мой пес...» Глупенький, он думал, что я пришла за собакой.

— Так ты, стало быть, довольна ими? — строго спросил Тарас.

— Кем?

— Рыжиком и этим... как его... Мойпесом?

— Довольна. А что?

— Ничего... Только хлеба для пса я покупать не стану. У нас и без него много ртов. А у него пасть, что твой колодец...

— Ладно... Собака больная... А у мальчика игрушек нет, пусть играет, только б он по улицам не бегал...

На этом разговор закончился. Тарас за делом и думать забыл о приеме и о его Мойпесе.

Прошел ровно месяц. В один майский день долго не показывавшийся Рыжик неожиданно появился на Голодаевке, к великой радости сверстников. Сидя верхом на черной громадной собаке, он промчался вдоль всей Береговой улицы, изумив не только ребятишек, но и взрослых.

— Санька Рыжик едет! Санька едет!.. — восторженно кричали ребятишки, увидав «атамана».

Спустя немного детвора, поднимая тучи пыли, гурьбой неслась по улице, догоняя Рыжика. Вскоре ребята со всех сторон окружили Саньку.

Гордый и самодовольный стоял Рыжик посередине толпы, а возле него с высунутым языком стоял толстомордый пес и добродушно поглядывал на собравшуюся мелюзгу.

— Это твоя собака?

— Где ты ее взял?

— Как ее зовут?

Вопросы эти сыпались с разных концов.

— Я ее нашел, она была больная... Я ее вылечил, — рассказывал Рыжик товарищам.

— Что у нее было?.. Какая болезнь? — любопытствовали ребята.

— У нее ноги болели... Крови страсть сколько вышло!..

— А чем ты ее вылечил?

— Хлебом и тряпками, — самоуверенно ответил Рыжик. — Хлебом я ее кормил, а тряпки прикладывал к ногам... Теперь она здорова...

— Молодец, Санька! — восхищались товарищи. — А как ее зовут?

— Мойпес, вот как я ее назвал...

— Вот так имечко!.. Мойпес, на!.. Мойпес, сюда!.. — слышалось со всех сторон.

Но Мойпес и не думал двигаться с места. Он только добродушно поглядывал на детвору и тихо помахивал пушистым хвостом.

— А что он умеет делать? — снова приступили ребята к Рыжику.

— Что он умеет делать? — переспросил владелец собаки и задумался, так как он сам не знал, что умеет делать его собака. Но вдруг он поднял голову и ответил: — Мойпес умеет кур гонять...

— А ну-ка, покажи!

— Сейчас.

Через минуту на Голодаевке поднялась небывалая суматоха. Огромный черный пес с громким лаем гонялся за курами, которые до этого мирно рылись в мусоре, что кучками лежал вдоль речного обрыва. С громким кудахтаньем, обезумев от страха, неслись бедные птицы, преследуемые черным псом. В воздухе закружились перья. Куры взлетали на заборы и на крыши домов. Рыжик, а вслед за ним многочисленная орава детей мчались позади собаки и оглушали воздух дикими криками.

— Тю, тю, тю!.. — кричал Рыжик, науськивая собаку на кур.

— Тю, тю, тю!.. — вторили ему мальчишки.

Наконец, окончательно забывшись, Санька вбежал во двор Ариши Брехухи и там стал действовать, натравливая пса. Аришины куры громко закудахтали и тяжело поднялись в воздух, взмахивая пестрыми крыльями. Большой петух, с пышным многоперым хвостом, взлетел на забор и так заорал, что даже Мойпес остановился и с удивлением поднял на него морду.

— Мойпес, куси его! — натравливали ребяташки собаку.

Но в это время из хаты выбежала с ухватом в руках Ариша, и армия Рыжика мгновенно рассеялась.

С этого раза Санька почти ежедневно выезжал верхом на своей собаке. Его сопровождала детвора. Взрослые, в особенности женщины, глядя на сорванца, самым серьезным образом предсказывали ему каторгу. Вообще о Рыжике обыватели Голодаевки были далеко не лестного мнения. Многие матери строго-настрого наказывали своим детям не играть с рыжим «чертенком» и не водить с ним дружбы.

— Он скверный, испорченный мальчишка, — говорили матери своим детям, — вы с ним не играйте...

IV

Дуня

ОДНАЖДЫ, года через два, в ненастную осеннюю ночь, когда семья Тараса Зазули спала мирным сном, кто-то с улицы несколько раз постучался в ставень окна. Первым услышал стук сам Тарас, а когда спустя немного стук повторился, проснулась и Аксинья.

— Тарас, слышишь? — шепотом спросила она.

— Слышу, — коротко ответил муж и нехотя стал слезать с печи.

— Кто там? — крикнул он, подойдя к окну.

— Это я... Дуня... — донесся с улицы детский голосок.

В хату вошла маленькая девочка, лет пяти, вся закутанная в большой дырявый платок, с которого стекали крупные капли дождя.

Девочка сделала несколько шагов вперед, остановилась посредине комнаты, закрыла руками лицо и навзрыд расплакалась.

В это время проснулся Санька. В одно мгновение мальчик наполовину свесился с печи и широко раскрытыми глазами стал следить за тем, что происходило внизу, в мастерской. Дуню он сейчас же узнал и по голосу, и по фигурке, маленькой и тонкой. Не раз он вместе с нею бегал по улицам, собирал цветные черепки

разбитых блюдец и тарелок и не раз доводил ее до слез, пугая лягушками.

«Зачем она пришла так поздно, в такую ночь, и как она не побоялась одна идти?» — спрашивал у самого себя Рыжик и, не находя ответа, с еще большим вниманием стал прислушиваться к тому, что делалось в мастерской. Дуня между тем не переставала плакать. Возле нее стояли Аксинья и Тарас и с участием глядели на позднюю гостью.

— Ну, будет плакать, будет... — обратилась Аксинья к девочке. — Ты лучше расскажи, что у вас случилось.

Она обняла девочку и несколько раз погладила ее по головке. Дуня немного успокоилась.

— Дяденька сказали... — начала она, с трудом выговаривая слова, — гроб делать... мама моя... померла.

— Померла?! — в один голос воскликнули Зазули.

Дуня снова разрыдалась. На этот раз никто ее не стал утешать.

«На то она и сирота, чтоб плакала», — подумала Аксинья и обратилась к мужу:

— Из чего ты гроб будешь делать?

— Из досок.

— А есть они у тебя?

— Есть-то есть, да они у меня для другого дела припрятаны. Ну, да уж ладно! — махнул Тарас рукой и, по обыкновению, почесал затылок.

Зазули отлично знали осиротевшую девочку, знали покойницу, мать ее, которая последнее время сильно прихварывала, а главное, они знали, что дядя девочки, родной брат покойницы, он же Андрей-воин, ничего за гроб не заплатит. Старик аккуратнейшим образом пропивал свою трехрублевую пенсию до последней копейки.

Зазуля все это отлично знал и тем не менее, не задумываясь, решил сделать гроб. Суровый только на вид, Тарас, в сущности, был очень добрый человек и чем мог всегда помогал ближнему. Такова была и Аксинья. Она хорошо понимала, в каком ужасном положении очутилась девочка, лишившись матери. От безрукого дяди ничего путного нельзя было ожидать.

«Бедная, что ждет тебя впереди?..» — думала Аксинья, глядя на плачущую девочку.

Тарас между тем принялся за дело. На чердаке у него имелось несколько досок, спрятанных им для рам. Столяру жаль было расстаться с этими досками, но делать было нечего, и он отправился на чердак. Тем временем Аксинья успела Дуню успокоить и уложить спать.

Спустя немного в хате Зазулей снова все утихло. Один лишь Тарас, усердно работая, нарушал тишину.

Рыжику не спалось. В голове у него копошились разные мысли. Рядом с ним, на теплой широкой печи, свернувшись калачиком, спала Дуня.

«Бедная Дуняша! — шептал про себя Санька. — Она теперь сирота, мамы у нее нет... Вот сделает мой папа гроб, уложат Дунину маму туда, заколотят крышку гвоздями, чтоб не выскочила, и зароят... А в земле-то сыро, темно... Брр!» Мальчик вздрогнул: ему стало страшно.

— Дуня, а Дуня! — тихо окликнул он девочку.

Та проснулась и широко раскрыла глаза.

— Ты у нас будешь жить?

— Не...

— А где же ты будешь жить?

— Дома, с дяденькой...

— Без мамы-то?

— Она будет ко мне приходить и гостинцы носить.

— Как — будет приходить?.. — воскликнул Рыжик, не на шутку испугавшись. — Ты же сказала, мама твоя померла...

— Померла, — подтвердила девочка и зевнула.

— А разве мертвые ходят?

— Ходят. Мне дяденька сказали.

— А ты не испугаешься?

На последний вопрос ответа не последовало.

— А ты не испугаешься? — снова повторил Рыжик, но ответа не получил: девочка уснула.

Рыжику совсем сделалось страшно. В его воображении вставал образ Дуниной матери, которая с того света приходит к дочери с гостинцами.

На другой день, чуть только стало светать, Санька уже был на ногах. В правом углу мастерской стоял готовый некрашенный гроб. В хате пахло смолой. Когда совсем рассвело, за гробом явился Андрей-воин.

— А Дуня у нас! — радостно встретил Рыжик безрукого.

— Знаю, голубчик, знаю... Желаю твоему отцу и матери доброго здоровья и многие лета, — сказал Андрей-воин и единственной рукой своей провел по влажным глазам.

В старой, изношенной солдатской шинели, с пустым, болтающимся рукавом на одной стороне и в дырявых опорках на босу ногу, старый солдат имел печальный вид. Всегда под хмельком, всегда жизнерадостный и довольный своею судьбой, Андрей-воин выглядел теперь жалким, дряхлым калекой. Рыжик, глядя на «воина», который не один раз учил его маршировать и который своими прибаутками неоднократно заставлял уличную детвору покатываться со смеху, не узнавал веселого

«дядьку». Давно небритый подбородок, морщинистое маленькое личико с седыми бачками и круглые глаза с красными воспаленными веками свидетельствовали о большом горе старого «воина».

Аксинья, увидав безрукого, принялась расспрашивать его о покойнице и о том, что она говорила перед смертью.

Андрей как мог сквозь слезы отвечал на ее вопросы.

— Вот ты, старик, брось теперь пить. Сестру не жалел, пожалей ее девочку... — говорила Аксинья.

— Разве я сестру не жалел?.. Я завсегда помнил, что она бедная вдова. Да помочь-то чем я мог, коли сам-то с голоду умираю?.. Пенсии три рубля получаю... Невелики деньги...

Старый солдат заморгал глазами, поблагодарил за что-то Аксинью и при помощи Тараса унес гроб.

Все утро Рыжик не отходил от Аксиньи, надоедая ей всякими расспросами:

— Мама, отчего люди умирают?

— Оттого, что время приходит.

Ответ не удовлетворил мальчугана, и он задал другой:

— А почему, мама, людей в землю прячут?

— Уж так велит закон.

— И богатых в землю кладут?

— Перед смертью, деточка, все равны.

— И Сергеенко когда помрет, его в землю положат?

— И его положат.

— А ежели он много-много денег даст... тогда что?

— Глупенький ты мальчик!.. От смерти деньгами не откупишься.

— Тогда зачем же люди богатыми быть хотят?

На последний вопрос ответа не последовало: за печкой раздался крик маленькой Кати, и мать поспешила туда. Рыжик остался один со своими думами и старшей сестричкой Верой, пухлой трехлетней девочкой. Вера сидела под верстаком и играла деревянными кубиками отцовского изделия. На дворе лил дождь. Слышно было, как он барабанил по крыше. Рыжик крепко задумался. Главным образом думал он о Дуне, которая заснула только перед рассветом и теперь еще спала сладким сном, разметавшись на широкой печи.

«Как она теперь без мамы жить будет?» — спрашивал себя мальчик, и чувство глубокой жалости овладело его сердцем. «Кто за нее заступится? Где она жить будет?» — продолжал думать Рыжик. И вдруг его осенила мысль: «Ежели так, то я за нее буду заступаться», — решительно заявил он самому себе и влез на печь. Он хотел о своем решении сейчас же заявить Дуне, как только она проснется. А чтобы она скорей проснулась, он стал дергать ее за ноги. Это средство подействовало, и девочка проснулась. Она с испугом осматривала потолок, стены, не понимая, где она и что с ней. Наконец ее взгляд упал на Саньку, и она улыбнулась.

— Ты больше не хочешь спать? — спросил ее Рыжик, не зная, как начать разговор.

Дуня молчала и усиленно терла глаза кулачками.

— Слушай, я теперь за тебя заступаться буду... Хочешь?

Дуня вместо ответа утвердительно кивнула головой.

— Ну вот, умница ты, — обрадовался Санька и с жаром продолжал: — Ты, Дуняша, не бойся теперь: я в обиду тебя не дам! Ежели тебя мальчишки будут обижать, скажи мне: я живо с ними расправлюсь. Как напущу